

Исаев Дмитрий Петрович

**"ХРАМ НАУКИ" А. А. ЗИМИНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОЛЯ
СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

В центре внимания работы находятся воспоминания видного советского историка А. А. Зимины "Храм науки". Говоря об актуальности введения данного историографического источника в научный оборот, автор предлагает рассмотреть его в контексте коммуникативных связей. Отмечается, что помимо уникальных сведений о творчестве и научной лаборатории историка воспоминания погружают читателя в широкое "внеаучное" поле групповых интересов, институциональных связей и других проявлений жизни советской науки 1940-1970-х гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/21.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 2. С. 92-94. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 929/930.1

Исторические науки и археология

В центре внимания работы находятся воспоминания видного советского историка А. А. Зимина «Храм науки». Говоря об актуальности введения данного историографического источника в научный оборот, автор предлагает рассмотреть его в контексте коммуникативных связей. Отмечается, что помимо уникальных сведений о творчестве и научной лаборатории историка воспоминания погружают читателя в широкое «внеакадемическое» поле групповых интересов, институциональных связей и других проявлений жизни советской науки 1940-1970-х гг.

Ключевые слова и фразы: А. А. Зимин; воспоминания; советская историческая наука; историография; коммуникация; источник.

Исаев Дмитрий Петрович, к.и.н.

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
disaew@mail.ru*

«ХРАМ НАУКИ» А. А. ЗИМИНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОЛЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Актуальность введения в научный оборот и обращения к наследию выдающегося советского историка А. А. Зимина не может вызывать сомнений. И в научном, и в личностном плане он для многих выступал образцом для подражания. Великолепное знание источников, бескомпромиссность в отстаивании научной истины давно привлекали внимание как современных ему, так и позднейших исследователей. Эти же качества способствовали появлению многочисленных недоброжелателей ученого. С другой стороны, личность Зимина интересна и как феномен той неоднозначной эпохи в целом и советской науки в частности.

Хотелось бы обратить на некоторые историографические тенденции изучения наследия и личности историка. После смерти Зимина статьи о конкретных аспектах его творчества появлялись, как правило, в составе его вновь публиковавшихся трудов. Упомянем здесь, в первую очередь, усилия В. Б. Кобрин, А. Л. Хорошкевич [2; 3]. Со временем стали традиционными Зиминские чтения, организуемые в основном коллективом РГГУ. Заметным явлением стал выход его книги «Слово о полку Игореве» в 2006 г. Стоит сказать, что, безусловно, имеющие научный характер, с серьезной исследовательской аналитикой, многие исследования все-таки содержат интенции, позволяющие говорить о формировании своего рода «культы Зимина».

С другой стороны, на сегодняшний день внимание к его творчеству выходит на новый уровень уже монографического изучения. В 2014 г. М. А. Базановым защищается диссертация, посвященная личности историка в контексте развития советской исторической науки [1]. Кроме того, выходят исследования, идущие вразрез с вышеуказанной традицией. Так, А. Л. Юрганов предпринял попытку деконструкции методологических построений Зимина, выявляя так называемые «суггестии», т.е. бездоказательную сводку фактов, позволяющую автору связать историческое полотно в единое целое [9].

Кроме исследований стоит упомянуть о публикациях историографических источников: писем, отрывков воспоминаний самого Зимина и его коллег, иных документов, расширяющих базу по истории науки того времени. К примеру, в 2010 г. осуществлена публикация материалов дискуссии 1960-х гг. по рукописи о «Слове» [4].

Недавно введенные в научный оборот, в первую очередь усилиями А. Л. Хорошкевич, воспоминания А. А. Зимина «Храм науки» являются одними из самых долгожданных для исследователей. Над этими воспоминаниями автор работал до самой смерти, создав три редакции. Предложенный сборник содержит вторую редакцию, составленную к 1976 г., вернее один из ее экземпляров. Этот текст был подарен Хорошкевич самим автором [8].

Данные воспоминания – это рассказ о людях, тех, кто в разные годы был рядом с Зиминим: коллегам, сотрудникам, так или иначе соприкасавшихся с ним. Это рассказ об исторической науке и своем жизненном пути в контексте ее эволюции. Это и история противостояния с «сильными мира сего», честолюбцами, просто негодьями. Неслучайно и название – «Храм науки». Оно как бы отсылает, во-первых, к восприятию научного труда как служения во имя правды и истины и, во-вторых, противопоставляет «хор» честных ученых «фарисеям», первосвященникам в науке. Безусловно, воспоминания Зимина субъективны, пристрастны, даже остры. Но это был сознательный выбор историка: «...я пытался дать субъективное, т.е. личностное представление о Храме науки и его служителях. Чем больше будет таких рассказов, окрашенных индивидуальным восприятием мира, тем многограннее и в конечном счете достовернее будет наше представление о нем» [Там же, с. 39]. Согласимся, звучит весьма современно для начала XXI в.

Воспоминания имеют очерковый характер, где главы посвящены отдельному аспекту, институции или персоналии. Они несут на себе печать незавершенности, даже где-то непоследовательности. Видна разная степень редакторской правки. И достаточно трудно увидеть логику расположения материала. Тем не менее можно выделить тематические блоки, вокруг которых автор построил канву текста. Хотя оговоримся, что в целом воспоминания лично ориентированы. Даже учреждения для автора – это, в первую очередь, люди, их составляющие.

Во-первых, значительная доля материала принадлежит «персональным» главам. Это очерки о С. Б. Веселовском, М. Н. Тихомирове, Л. В. Черепнине, Я. С. Лурье, И. И. Смирнове, Б. А. Рыбакове, В. Л. Янине, В. Т. Пашуто и др. «Биографические» главы также неоднородны по объему, тематике. К примеру, говоря о Тихомирове, Зимин много внимания уделяет и его ученикам.

Во-вторых, это коллективные портреты, построенные вокруг учреждения, принадлежности к той или иной научной школе, поколению, наконец, по нравственному облику. Первая глава посвящена «первосвященникам в храме» – директорам Института истории АН СССР. О работниках Сектора феодализма Института истории повествует глава «Служители феодального культа». «Подвижниками науки» называет автор ученых старшего поколения, «Птенцами гнезда Петрова» – ученых-ленинградцев. В главе «Сыны надежд» в центре внимания находятся ученые, выдвинувшиеся после XX съезда (о школе А. Л. Сидорова). Немного выйдя за рамки России, Зимин также повествует о медиевистах («Вундеркинды»). Весьма характерно название главы «Бесы», в которой автор коснулся, по его выражению, «поросли честолюбцев, холодных рационалистов», прагматиков в науке. Отдельно Зимин пишет о преподавателях МГУ («Альмаматер»), МГИАИ («Теремок на Никольской»). Не забыты и коллеги-иностранцы, занимающиеся историей средневековой России. О своих учениках, опыте работы с ними Зимин пишет в главе «Ребята становятся взрослыми». Более того, историческая периодика, исторические архивы, для многих ученых ставшие вторым домом, – у Зимина это тоже, в первую очередь, люди, их создающие.

Третий условный тематический блок – это главы, в которых воссоздается в тех или иных проявлениях историографический быт, научная повседневность: «Дела и дни феодалов», «Академические скачки», «Посвящение в паладины».

Наконец, четвертый относится к творческому пути и наследию самого автора. Это главы «Как я стал историком», «Мой архив», «У разбитого корыта». Не составляющие единого комплекса, эти разделы дополняют те сведения о Зимине, которые мы находим в других частях текста.

По мнению некоторых исследователей, современная историческая наука вступила в историографический этап. Поэтому расширение и углубление пространства историографических исследований является понятным и закономерным. Тема исследования коммуникативного поля является сегодня одной из авангардных в историографии. Интерес к данной сфере исследований обусловлен во многом тем, что в науках происходит поворот к социально-культурному контексту, к внеученым пластам бытования знания («рождение науки из ненауки») [7].

Согласно определению В. П. Корзун, «под коммуникативным полем понимается пространство институций и связей, в котором рождаются, функционируют, трансформируются и умирают научные идеи». В качестве классификации предлагается такой вариант:

1. По направленности: внутринаучные и внешние (с обществом, властью).
2. По акторам: личностные, групповые, институциональные.
3. По способу трансляции: устные, письменные, печатные.
4. По механизму трансляции дисциплинарных нормативов: диссертация, дискуссия, рецензия и др.
5. По иерархии: горизонтальные и вертикальные.
6. По культурному взаимодействию: внутри- и межкультурные.
7. По степени интенсивности: постоянные, ограниченные, эпизодические [6, с. 293-294].

Данная классификация имеет где-то условный характер. Понятно, что в единичных актах коммуникации могут реализовываться различные варианты. Однако, как кажется, она имеет достаточный теоретический потенциал, чтобы служить программой для исследований.

Возвращаясь к воспоминаниям А. А. Зимина, можно с уверенностью сказать, что они могут служить важным источником для реконструкции коммуникативного поля исторической науки 1940-1970-х гг. Тем более что автору принадлежит мысль, удивительно современно звучащая в данном контексте: «...для меня так называемое творчество – несоизмеримо с радостью живого общения с друзьями старшего, моего и младшего поколений... во всяком случае именно люди, а не книги всегда составляли главное в моей жизни» [8, с. 369]. Как видим, это своеобразный отклик на знаменитое утверждение Ключевского о том, что «в жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли» [5, с. 318]. Попробуем структурировать зафиксированные в тексте коммуникативные связи в соответствии с предложенной моделью.

1. *Внешние связи.* Автор подробно рисует портрет директора Института истории как «приводного ремня» между собственно наукой и властью. Интересны зарисовки, как те или иные фигуры эволюционировали под воздействием политических перемен [8, с. 39-56]. В истории со «Словом» роль власти в науке выражена весьма ярко и очевидно. К этим сюжетам можно добавить информацию из главы «Академические скачки», в которой воссоздается атмосфера борьбы за академические кресла.

2. *Личностные.* Безусловно, личностным характером коммуникации проникнуты страницы воспоминаний, посвященные учителям («передал факел науки» – о С. В. Бахрушине [Там же, с. 65]), а также близким друзьям (Я. С. Лурье, А. Л. Хорошкевич и др.). Одна из любимых тем – ученики. И проникновенная глава, им посвященная, имеет ярко выраженный личный характер. Особо упоминает Зимин о своем «самом талантливом» ученике – С. М. Каштанове. При всем при этом здесь присутствуют не только лестные оценки.

3. *Групповые.* Автор немало места уделил научным школам. Так, в главе о ленинградцах упоминает Б. А. Романова, воспитавшего «феодалов» и «империалистов» [Там же, с. 112-114]. Подробно останавливается на многочисленной школе М. Н. Тихомирова (потому что имел с ними наиболее тесные контакты) [Там же, с. 163-168], школе А. Л. Сидорова как символе перемен в стране [Там же, с. 245-252]. Вообще, во многом характеристика того или иного ученого у Зимина зависела от того, воспитал ли тот учеников и какие это ученики.

Как групповые автор описывает отношения московской и ленинградской исторических школ. Примером негативных коммуникаций у автора выступают взаимоотношения преподавателей МГУ и сотрудников Сектора феодализма ИИ СССР, а также между историками и архивистами ИАИ [Там же, с. 236, 265].

4. *Институциональные.* Здесь можно назвать связи историков с ведущими историческими журналами, их редакторской политикой, разной степенью открытости. И, конечно, государственные архивы. Здесь подробно автор пишет о руководстве, олицетворявшем политику того или иного архива, сотрудниках, атмосфере для работы в их стенах [Там же, с. 348-364].

5. *Устные, письменные.* Воспоминания выступают важным источником по воссозданию этого важного слоя связей историков. Автор часто говорит о беседах в кулуарах, по дороге домой с коллегами, рисует быт в Секторе («приходили потрепаться» [Там же, с. 105]). Внимательно описывает традиции домашних встреч (у Тихомирова, самого Зимина).

Переписка как вариант письменной коммуникации. Здесь фиксируется важная сторона связей, где по адресатам, степени интенсивности можно изучать жизнь науки. Зимин упоминает о ряде эпизодов, связанных с перепиской, в т.ч. не совсем для него приятных. То же можно сказать и о телеграммах (на Новый год и т.д.).

6. *Вертикальные, горизонтальные.* Во-первых, это отношения с начальством (Черепнин, Тихомиров и др.), с иными властными структурами (в т.ч. с директорами Института). Как вариант наставничества – отношения с учениками [Там же, с. 268-292]. Горизонтальные связи составляют обширный слой, в котором можно выделить и коммуникации на профессиональной почве, не отягощенные формальной подчиненностью и т.д.

7. *Механизмы дисциплинарные.* Весьма информативным источником являются воспоминания по изучению дисциплинарной нормативной среды. Рассказы о диссертациях, защитах, оппонировании, дискуссиях проходят через всю ткань текста. Этому также посвящены и специальные уже упоминавшиеся главы. Центральной «дискуссией», наверное, можно назвать историю со «Словом» [Там же, с. 379-381]. Интересно описание соперничества с И. И. Смирновым в дискуссии о Крестьянской войне начала XVII в. (в т.ч. как вариант противостояния Москвы и Ленинграда (Петербурга)) [Там же, с. 192].

8. *Культурное взаимодействие.* Здесь важной является глава об иностранцах, занимающихся историей России, крупных ученых, а также «проходимцах». Автор обращает внимание на нюансы практики их исследований, вообще восприятия ими русской культуры [Там же, с. 322-347].

9. *По интенсивности.* Многочисленные контакты А. А. Зимина с историками можно классифицировать на постоянные (друзья, верные ученики), эпизодические и затухающие (в т.ч. после «Слова»). В воспоминаниях можно найти достаточно примеров, когда в результате непонимания, личной неприязни, научного противостояния прекращалось общение, переписка и т.д. Конечно, не всегда был прав и сам Зимин.

Понятно, что все богатство научных и – шире – социальных связей, которые мы найдем в этом источнике, не может уложиться в прокрустово ложе схемы. Скорее это можно назвать подходом к теме, в котором необходимо сочетаются феноменологические и типологические стратегии исследования.

Список источников

1. **Базанов М. А.** Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития отечественной науки: дисс. ... к.и.н. Челябинск, 2014. 284 с.
2. **Зимин А. А.** В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России / послесл. В. Б. Кобрин, А. Л. Хорошкевич. М.: Мысль, 1986. 333 с.
3. **Зимин А. А.** Россия на рубеже XV-XVI столетий: очерки социально-политической истории / послесл. В. Б. Кобрин, А. Л. Хорошкевич. М.: Мысль, 1982. 333 с.
4. **История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»:** материалы дискуссии 1960-х годов / вступ. ст., сост., подг. текстов и комм. Л. В. Соколовой. СПб.: Пушкинский дом, 2010. 792 с.
5. **Ключевский В. О.** Сергей Михайлович Соловьев // Ключевский В. О. Сочинения: в 9-ти т. М.: Мысль, 1989. Т. VII. Специальные курсы. С. 303-319.
6. **Корзун В. П.** Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сборник статей / ред. Н. В. Гришина, Ю. В. Краснова; отв. ред. Н. Н. Алеврас. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 290-302.
7. **Маркова Л. А.** Наука на грани с ненаукой. М.: Канон+, 2013. 336 с.
8. **Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века** / сост. А. Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. 440 с.
9. **Юрганов А. Л.** Суггестивное построение в советской исторической науке // Источниковедение культуры: альманах. М.: РГГУ, 2010. Вып. 2. С. 448-457.

“TEMPLE OF SCIENCE” BY A. A. ZIMIN AS A SOURCE ON HISTORY OF COMMUNICATIVE FIELD OF THE SOVIET HISTORICAL SCIENCE

Isaev Dmitrii Petrovich, Ph. D. in History
Southern Federal University, Rostov-on-Don
disaew@mail.ru

The focus of the work is on the memoirs of the prominent Soviet historian A. A. Zimin “Temple of Science”. Speaking about the relevance of the introduction of this historiographic source into scientific use, the author proposes to consider it in the context of communication connections. It is noted that, in addition to the unique information about the historian’s creativity and scientific laboratory, memories immerse the reader in a broad “extra-scientific” field of group interests, institutional ties and other manifestations of the life of the Soviet science in the 1940-1970s.

Key words and phrases: A. A. Zimin; memoirs; Soviet historical science; historiography; communication; source.